

— Вопиющая фальшь! — Шуй Чжуся не верила своим глазам. Из её глаз брызнули чистые слёзы, размывая изысканный макияж. Обеими руками она в отчаянии вцепилась в рукав одежды Цзянь Чуцина. Волосы её растрепались, вид был безумным, и от её прежнего очарования и кокетства не осталось и половины.

Доведённый до такого бешенства, что он был готов выплюнуть кровь, Цзянь Чуцин сейчас искренне желал задушить эту женщину и рождённого ею сына. Как он мог тогда ослепнуть и притащить в дом этих двух подлых тварей? Мало того что он теперь стал посмешищем в кулуарах чиновников, так ещё и лицо всего поместья маркиза Цзиньань было полностью потеряно.

Хотя император Чэньюань лишь приказал ему три месяца предаваться размышлениям за закрытыми дверями в собственных покоях, каждое слово и каждая фраза в этом приказе были тонким предупреждением: если он совершит ещё хоть малейшую оплошность, титул маркиза Цзиньань у него отнимут.

Чем больше он думал об этом, тем сильнее свирепел. Резко развернувшись, он с размаху отвесил Шуй Чжуся тяжелейшую пощёчину. Та рухнула на землю, её лицо мгновенно опухло и покраснело, а из уголка рта сочилась яркая, режущая глаза кровь.

— С его жалкой ничтожной душонкой — голым, с раскинутыми ногами, выставленным на показ для всеобщего обозрения, — он ещё смел мечтать о наследовании поместья маркиза Цзиньань! Да это же просто чудовищная насмешка! С этого дня ты будешь посажена под домашний арест в Западном дворе и не смеешь ступить за порог ни единым шагом! Эй, стража, уволочите эту женщину в Западный двор и глаз с неё не спускайте!

Несколько охранников ворвались внутрь и выволокли вопящую и заливающуюся слезами госпожу Шуй наружу.

Из-за раскидистых ив у пруда в Восточном дворе показалась изящная фигурка. Чуньхэ, слушая истошные, раздирающие душу крики уволакиваемой женщины, тронула пухлые губки победной усмешкой, изящным движением поправила прядь волос у виска, заманчиво покачивая тонюсенькой талией, и мелкими шажками удалилась.

Внутри комнаты Цзянь Чуцин в бешенстве смёл со стола весь чайный сервиз.

Осколки фарфора брызнули во все стороны, до смерти испугав вошедшего человека — тот едва не выронил поднос с супом.

— Кто звал тебя входить?! — лицо Цзянь Чуцина исказилось от ярости, глаза налились кровью, и он походил на разъяренного зверя.

Чуньхэ смертельно испугалась. Побледнев до синевы, она застыла на пороге, наполненные слезами миндалевидные глаза испуганно блестели, и она залепетала:

— Служанка... служанка лишь заметила, что господин с самого возвращения в поместье заперся в покоях и неизменно отсылал назад всю еду, не притронувшись ни к единой ложке. Боясь, что здоровье господина не выдержит, я осмелилась приготовить этот суп...

С этими словами чистые слёзы покатались по её щекам. Совершенно не заботясь о разбросанных повсюду острых осколках, она опустилась на колени и высоко подняла фарфоровый суповой горшочек.

— Господин, как бы вы ни гневались, прошу, поберегите своё тело, умоляю вас, выпейте хоть немного...

Цзянь Чуцин смотрел на служанку, которая стояла перед ним на коленях, дрожа от страха перед его гневом прямо на осколках стекла, в то время как её колени уже обагрились кровью. Его взгляд скользнул ниже и замер на её белой, нежной шее, открывшейся из-за опущенной головы.

Эта служанка была простой девчонкой с низшей должностью разнорабочей в поместье маркиза Цзиньянь. На ней была надета розовая распахнутая кофта с синей каёмкой, но сейчас из-за позы на коленях и высоко поднятых рук запахнутые воротники распахнулись, являя миру розовый приталенный нательный лифчик с вышитым букетом орхидей, что лишь сильнее подчёркивало белизну и нежность её кожи.

Налитые кровью глаза Цзянь Чуцина слегка сузились. Он резким движением выхватил горшочек — тот со звоном рухнул на пол и разлетелся вдребезги, заливая супом доски пола, и по комнате поплыл густой, насыщенный аромат.

Чуньхэ издала короткий всхлип, когда её гибкое податливое тело опрокинули на мягкую постель. Раздался громкий треск рвущейся ткани, мужское тело навалилось сверху. Когда внизу вспыхнула резкая, подобная разрыву боль, уголки губ Чуньхэ тронула лёгкая улыбка — коварный замысел увенчался успехом.

Вскоре тяжёлое мужское дыхание и нежные женские стоны слились воедино, не затихая ни на мгновение.

Вся эта сцена бушующей в Восточном дворе страсти отразилась в паре узких, длинных глаз, напоминающих птичьи. Понаблюдав ещё немного, Тун Даоцзюнь решил, что его глаза рискуют ослепнуть окончательно. Закрыв интерфейс, он презрительно скривил губы и пробормотал:

— Настоящее зверьё.

В тот же момент сзади протянулась сильная, мускулистая рука, обвивая его тонкую талию. Его спина прижалась к теплу широкой груди, преследователь глубоко вдохнул исходивший от него тёплый аромат и, приоткрыв губы, прихватил мочку его белоснежного мягкого уха.

— Кого это ты назвала зверьём?

Уши были одной из чувствительных зон Тун Даоцзюня. Стоило кому-то так приняться за них, посасывая и покусывая, как они мгновенно покрылись лёгким румянцем. Нежная истома разлилась по всему телу, сбивая его дыхание. Он слегка прищурил глаза, позволяя чужим рукам вести себя всё более и более нагло.

— Здесь же кабинет...

Губы накрыл поцелуй. Тун Даоцзюнь почувствовал, как земля уходит из-под ног, а в следующий миг Шао Лиюй прижал его к письменному столу. Задетая чернильница опрокинулась, и густая чёрная тушь растенулась по бумаге, распускаясь кляксами чёрных цветов сливы.

Шао Лиюй смотрел на прижатого к столу человека в светло-коричневых чиновничьих одеждах, чья форма теперь украсилась пятнами туши, и который сердито сверкал на него своими длинными фениксовыми глазами. Парень слегка облизал тонкие губы.

— Да, это кабинет, место для учебы, — Шао Лиюй опустил ниже, касаясь лбом лба Тун Даоцзюня, и прошептал: — Учитель, ученик не понимает одну тему из трактата, я хочу испросить вашего наставления...

Длинные пальцы подцепили пояс, обёрнутый вокруг тонкой талии, проскользнули под растрёпанные одежды и принялись легко гладить и массировать.

— О чём же испросить? — покрытая мозолистыми подушечками широкая ладони гладила тело, заставляя Тун Даоцзюня таять от неги.

— Об искусстве постельных утех, — чётко, словно высекая каждое слово, произнёс Шао Лиюй.

Тун Даоцзюнь яростно зыркнул на него и бросил:

— Ты и впрямь животное!

Шао Лиюй тихо засмеялся, впился в его губы поцелуем и пробормотал:

— Пусть животное, но зато самое благородное из всех.

После скандала с Шао Сицзюном и Цзянь Цзяньжэнем все чиновники уже знали, до какой степени император Чэньюань презирает маркиза Цзиньань, и думали, что поместье теперь неминуемо скатится на дно.

Однако вскоре последовали бесконечные похвалы императора в адрес Цзянь Хуншу в зале заседаний: государь отмечал его глубокую эрудицию, блестящую игру в го и заслуги в обучении Первого принца. Тут-то все и поняли: император и не думал отречься от поместья маркиза Цзиньань, он просто намеренно продвигал наследника маркиза. А значит, будущий пост главы рода Цзянь Хуншу удержит в своих руках накрепко. Среди чиновников даже поползли слухи, что если нынешний маркиз совершит ещё хоть одну оплошность, император напрямую лишит его титула и официально пожалует его Цзянь Хуншу.

Из покоев Первого принца во Дворце Чунли доносилась лёгкая, мелодичная цитра, сквозь которую явственно пробивался звонкий детский смех.

По ивовой аллее приближалась процессия. У ворот дворца евнух уже набрал в грудь воздуха, чтобы зычно возвестить о прибытии, но величественная и роскошная женщина легким взмахом руки остановила его, показывая, что всем следует ждать снаружи. Обопрившись на руку главной служанки, она медленно переступила порог.

Мелодия не прерывалась. В беседке во внутреннем дворе находились трое: один сосредоточенно играл на цитре, второй с интересом слушал, а на коленях у него сидел розовощёкий малыш, заливисто хохотавший. Его яркие глазки сияли ослепительным блеском, и радостный смех идеально гармонировал с музыкой, не нарушая её, а создавая поистине живописную картину.

Императрица застыла под искусственной горкой, созерцая эту идиллию. Всегда строгая и невозмутимая, она вдруг почувствовала, как её глаза защищало от слёз.

Мелодия завершилась бодрым аккордом, и раздался голос Шао Лиюя:

— Ты уверен, что эта пьеса вообще считается колыбельной? Отчего это Цзиньюй от неё только сильнее возбудился?

Словно поддакивая словам старшего брата, Четырнадцатый принц снова залился радостным смехом.

В глазах Тун Даоцзюня плескалось веселье, хотя он чувствовал себя слегка озадаченным. Подняв взгляд, он внезапно заметил фигуру возле искусственной горки за пределами беседки.

Выражение его лица не изменилось; он встал на колени и отдал положенный поклон.

— Ваш подданный приветствует Императрицу.

Шао Лиюй обернулся, увидел идущую навстречу в сопровождении главной служанки императрицу и, прижимая к груди Шао Цзиньюя, торопливо шагнул вперёд.

— Матушка, вы пришли! Почему не велели предварительно доложить? Прошу, входите в беседку, отдохните.

С этими словами он одной рукой поддерживал пухлого малыша, а другой помог императрице подняться по ступеням.

— Шла мимо, услышала музыку — лёгкую, чистую, невероятно красивую. Не посмела прерывать. Так это и есть тот самый молодой талант, четырёхкратный триумфатор экзаменов, заслуживший столь бурные восторги Его Величества, наследник маркиза Цзиньань? И вправду хорош. Раз уж он теперь рядом с моим мальчиком, я могу быть спокойна.

Слова императрицы заставили сердце Тун Даоцзюня слегка ёкнуть.

Если Цзянь Хуншу суждено унаследовать поместье маркиза Цзиньань, то его отношения с членами императорской семьи могут быть исключительно сугубо служебными — монарх и подданный. И хотя сейчас у них с Шао Лиюем самая тесная связь, по его же настоятельной просьбе Шао Лиюй обещал никому об этом не распространяться.

Так что слова императрицы наверняка подразумевали исключительно их официальную связь как государева слуги и приближенного принца?

— Императрица преуспевает в похвалах, это всего лишь порыв вдохновения моего подданного.

— И такой шедевр — всего лишь порыв? Воистину выдающийся талант. Чэнь-сицзян, не стойте на коленях, встаньте.

— Благодарю Императрицу, — Тун Даоцзюнь чинно поклонился в землю, после чего поднялся и отступил в сторону. Его опущенный взгляд словно случайно скользнул по лицу императрицы, и помимо пристального внимания он уловил нечто странное в её цвете лица, отчего сердце вновь тревожно кольнуло.

Макияж императрицы был безупречен. Для обычного глаза её кожа сияла подобно снегу, губы пылали лепестками роз, а прекрасные глаза искрились, однако в глазах Тун Даоцзюня отчётливо проступала зловещая аура угасающей жизни.

По сравнению с тем, какой он видел императрицу несколько месяцев назад, её ци удачи почти полностью рассеялась. Похоже, ей не продержаться и двух месяцев.

[V587.]

[Хозяин системы, я здесь, я здесь!] — мгновенно отозвался V587.

Его системный поток данных словно подхватил жуткий вирус, время от времени сваливаясь в принудительный режим ожидания, из-за чего Тун Даоцзюню приходилось сутками проводить сканирование, но проклятый сбой так и не удавалось выловить.

[Могу ли я использовать очки плоскости, чтобы продлить жизнь императрице?]

Пусть характер императрицы и отличался суровостью и сдержанностью, а сама она порой казалась излишне строгой, при внимательном наблюдении нетрудно было заметить, сколько материнской нежности светится в её взгляде, когда она смотрит на Шао Лиюя и Шао Цзиньюя. Эта женщина, стоявшая на вершине власти в Великой Юй, невольно напомнила ему кое-кого...

Его собственную мать. Холодную, гордую женщину, которая в детстве была с ним сурова и отстранённа, но, узнав о его гибели, бросила все дела посреди проекта, прилетела из-за границы и рыдала навзрыд в больничном морге, прижимая к груди его окровавленное, изуродованное тело. Лишь тогда он понял, как сильно мать любила его.

Шао Лиюй глубоко почитал императрицу, и Тун Даоцзюнь не желал видеть, как его возлюбленный страдает от утраты матери.

К тому же Сын Небесной Удачи был пока еще совсем крохой, сосущим грудь младенцем. Если императрица умрёт, Шао Лиюй и Шао Цзиньюй лишатся защиты, и печать императорского гарема легко может перейти к Благородной императорской супруге Хуангуйфэй, открывая опальному Шао Сицзюню путь к реваншу.

Следовательно, императрица сейчас умереть не могла.

[Хозяин системы, вы не принадлежите к этой плоскости, а потому способны вырываться из-под контроля Судьбы. Но императрица не такова — её удел давно predetermined. То, что она сумела благополучно произвести на свет Сына Судьбы, уже чудо. Хотя очков плоскости у нас много, их нельзя обменивать на чужие жизни,] — пояснил V587.

[Неужели нет никакого другого выхода?] — пальцы Тун Даоцзюня в рукавах сжались в кулаки.

V587 погрузился в глухое молчание. Прошло немало времени, прежде чем система внезапно взвизгнула:

[А-а-а-а!!!!]

[Есть способ?!] — услышав восторженный визг, Тун Даоцзюнь, знавший нрав V587 лучше всех, оживился.

[Я только что проверил: очки плоскости и вправду нельзя обменять напрямую на человеческую жизнь, но если конвертировать очки в значение удачи и ввести эту удачу в тело умирающего,

чья ци иссякает, то за счёт сжигания этой удачи можно продлить ему жизнь!]

[У меня осталось всего пять очков плоскости. Надолго ли этого хватит?]

V587 на секунду замолк и выдал: [Пять очков плоскости, переведённые в значение удачи, позволят сжечь её ради трёх дополнительных лет жизни.]

[Меняй,] — не колеблясь ни секунды, произнёс Тун Даоцзюнь. — [Как внедрить удачу в тело императрицы?]

[Удача — это всего лишь бесцветная, безвкусная и бесформенная субстанция, способная сливаться с чем угодно. Чтобы передать её человеку, достаточно подмешать её в пищу и дать ему съесть.]

[Я понял,] — Тун Даоцзюнь медленно поднял глаза на императрицу.

В древности статус и положение стояли превыше всего, и чиновнику пятого ранга, вроде Тун Даоцзюня, категорически возбранялось в упор разглядывать августейшие лица, тем более что существовало разделение на мужчин и женщин, а перед ним всё же сидела сама императрица.

Императрица заметила его взгляд и спокойно посмотрела на него, встречаясь глазами с его узкими фениксовыми очами.

— Почему Чэнь-сицзян смотрит на меня столь пристально?

Стоявшая за её спиной главная служанка переменялась в лице и уже собиралась сделать выговор, но императрица легким взмахом руки остановила её.

Взгляд Тун Даоцзюня упал на эту служанку. Шао Лиюй едва заметно прищурился и произнёс:

— Лань Сюэ, сходи на императорскую кухню, принеси каких-нибудь сладостей.

Служанка Лань Сюэ поклонилась, принимая приказ, и покинула беседку.

— Господин Цзинь, говорите прямо, если что-то случилось.

Тун Даоцзюнь слегка приподнял подол одежд, опустился на колени и произнес:

— Прошу Императрицу простить грех моего дерзновенного взгляда на святой лик. Просто ваш покорный слуга, перечитав множество книг, как-то наткнулся в одном медицинском трактате на описание одного недуга: приступы потливости от дуновения ветра, тяжесть и боли в сердце

в полуденный час, когда янская энергия достигает пика, нестабильное дыхание, головокружения к вечеру и бессонница с обилием снов по ночам... Медики диагностируют это как истощение ци и малокровие.

С каждым словом Тун Даоцзюня лицо императрицы становилось всё строже, а выражение лица Шао Лиюя изменилось:

— Хуншу, ты что-то заметил?

— Да. Согласно записям в том трактате, это вовсе не истощение ци и не малокровие.

— Почему же?

Тун Даоцзюнь слегка поджал губы:

— В книге не было указано название болезни, приводился лишь один рецепт.

Слова Тун Даоцзюня, казалось, пробудили в императрице интерес:

— Причины недуга не названы, зато дан рецепт? Как забавно. В императорской сокровищнице и аптеке множество редких лекарств, и мне любопытно, что же за средство предложит Чэнь-сицзян.

— Нам вовсе не обязательно отправляться в императорскую аптеку, вашему подданному достаточно лишь воспользоваться малой кухней Старшего принца.

— Малой кухней? — императрица слегка приподняла тщательно выведенные тонкие брови, и любопытство в её глазах стало ещё глубже.

Шао Лиюй тоже проявил интерес:

— Тогда ступай. Мне тоже хочется посмотреть, что такого сотворит Цзинь-цицзян.

С тех пор как его возлюбленный стал его лектором, они проводили вместе каждый день, но он и не подозревал, что этот любитель вкусно поесть умеет ещё и сам орудовать на кухне.

Тун Даоцзюнь отвесил обоим поклон и удалился.

Вскоре Лань Сян вернулась вместе с несколькими служанками, нёсшими плоские подносы под лёгкой прозрачной тканью. Войдя в беседку, они расставили изысканные сладости и сменили чай у августейших особ на свежий, слегка остывший.

Императрица подняла чашку, сделала маленький глоток, но к сладостям на столе прикоснуться не стала — очевидно, она ждала, что же такого приготовит Тун Даоцзюнь. Её взгляд упал на сидевшего напротив Шао Лиюя, и в глазах мелькнула мягкая улыбка.

— Чэнь-сицзян — прекрасный юноша, у моего сына отличный вкус.

— Если матушка довольна, я спокоен.

Тёмные глаза Шао Лиюя слегка блеснули. Он взял кусочек соснового пирожного, отломил крошечный кусочек и сунул в рот брату.

— Ты с детства был умным мальчиком со своим собственным мнением, я всегда была в тебе уверена. Хочешь что-то сделать — делай, матушка всегда тебя поддержит.

Эти слова императрица произнесла очень тихо, и в её глазах на мгновение мелькнула грусть, но тут же растаяла.

— Я знаю, матушка.

— Дай-ка мне поддержать Цзиньюя, а ты сходи на кухню, посмотри.

Императрица с мягкой улыбкой посмотрела на старшего сына, у которого опустились веки — она знала, что он переживает за неё, — и перехнула к себе пухлого малыша.

— Спасибо, матушка, я скоро вернусь.

В глазах Шао Лиюя зажглась нежная улыбка, и он быстрым шагом покинул беседку.

Императрица проводила взглядом удаляющуюся фигуру старшего сына, приподняла весело гукающего младшего и с мягкой улыбкой произнесла:

— Когда Цзиньюй вырастет, ему ни в коем случае нельзя брать пример со старшего брата.

Четырнадцатый принц замахал пухлыми ручонками, широко распахнул круглые глазки, глядя на матушку, и выдал звонкое «ва-у».

Тун Даоцзюнь прекрасно знал Дворец Чунли и быстро отыскал малую кухню. Повара и прислуга, решив, что он пришёл поискать перекусить, тут же засуетились, наперебой предлагая угощения.

— Я хочу кое-что приготовить сам, продолжайте свою работу, — велел Тун Даоцзюнь.

— Что бы ни пожелал господин Цзинь, стоит лишь назвать блюдо, как же мы смеем утруждать вас готовкой! — почтительно отозвался шеф-повар.

С тех пор как этот господин стал наставником Старшего принца, великий князь часто оставлял его во Дворце Чунли на трапезу, и о том, как дорог принцу этот человек, в этих стенах знали все.

— Я сам справлюсь, просто подготовьте мне кое-какие ингредиенты... — Тун Даоцзюнь перечислил всё необходимое, и повара с челядью живо бросились собирать продукты.

В прошлой жизни Тун Даоцзюнь с детства рос в роскоши, не зная забот и не пачкая рук о домашнюю работу, он даже на кухню никогда не заглядывал. Но после перемещения в другую плоскость его новой ролью стал ученик повара, учившийся у известнейшего мастера и в совершенстве освоивший кулинарное искусство. Так что приготовить какое-нибудь изысканное лакомство для него не составляло труда.

Стояла середина лета — самая жаркая пора года. Он решил приготовить освежающий фруктовый десерт.

Достать лёд в древности было непросто, но в ледниках императорского дворца всегда имелись запасы, предназначенные для спасения августейших особ от невыносимой жары.

Тун Даоцзюнь работал с невероятной скоростью. Когда на свет появились прозрачные кристаллы шариков, толпившиеся вокруг зеваки не удержались от восхищенных возгласов.

Для этих кристаллических шариков он использовал порошок кудзу, крахмал и муку, заварив их в густую массу и залив в круглые формочки. Внутри каждого шарика он спрятал кусочки фруктов, закопал их в лёд для остывания, а когда они застыли, вытащил и разложил по дну тарелок.

Затем он очистил различные фрукты от кожуры и косточек, с помощью резцов вырезал из них лепестки роз разного цвета и украсил ими блюдо. После этого он раскрошил кусок льда, смешал его с молоком, приготовив молочный снежный сорбет, и щедро полил сверху ягодным сиропом.

Когда Шао Лиюй вошёл на малую кухню, он застал Тун Даоцзюня за бережным оформлением двух никогда прежде не виданных им десертов на плоских блюдах.

— Что это?

— Фруктовый сорбет. Я сделал порцию и для тебя, пойдём скорее, пока он не растаял.

Увидев его любопытство, Тун Даоцзюнь мягко улыбнулся и подхватил подносы.

Они шли по длинному коридору обратно к передним покоям Дворца Чунли. Шао Лиюй шагал рядом, любуясь изумительным лицом своего спутника, и произнёс:

— Разве это лекарство? Неужели матушке станет лучше от этого?

Тун Даоцзюнь посмотрел на него и с лёгкой улыбкой ответил:

— Поверь мне.

Судя по данным V587, императрица любила свежие фрукты, а для сорбета он отобрал именно те плоды, к которым она питала наибольшую слабость. К тому же внутрь была подмешана та самая удача, купленная за пять очков плоскости. Хватило бы и одного глотка, чтобы продлить ей жизнь.

— Верю.

Черпанув ложечкой молочный сорбет вперемешку с фруктовым сиропом, императрица отправила его в рот. Прохладный, кисло-сладкий вкус заполнил полость рта. Быть может, ей не показалось, но она действительно ощутила, как по всему телу разливается невероятно мягкое и уютное тепло, а тягостная, свинцовая усталость последних дней заметно отступила.

Тун Даоцзюнь почтительно стоял в стороне, наблюдая, как после первого же укуса сорбета еле уловимая, ускользящая ци удачи в душе императрицы вновь обретает чёткие очертания, и наконец тихо выдохнул.

Жизнь императрицы была спасена. По крайней мере, на какое-то время.

— Что это за кушанье? Я никогда прежде не видела ничего подобного, а эти вырезанные из фруктов цветы так прекрасны. Вкус кисло-сладкий, удивительно освежающий, и мне сразу стало легче.

На лице императрицы расцвела мягкая улыбка.

— Докладываю Вашему Величеству, это зовётся «фруктовым сорбетом», лучшее средство спастись от летней жары, — почтительно произнёс Тун Даоцзюнь.

— Спасти́сь от жары?

<http://bllate.org/book/22155/2307818>